

Ясудзиро Одзу. Вкус простой пищи

Ретроспектива японского киноклассика прошла в московском Музее кино, а затем поехала по России

Елена Стафьева

В Москве случился настоящий Одзу-бум. Билетов не было, публика сидела на ступеньках, толпа страждущих осаждала вход. Откуда такая любовь к этому режиссеру, которого у нас до этого единственный раз показывали три года назад?

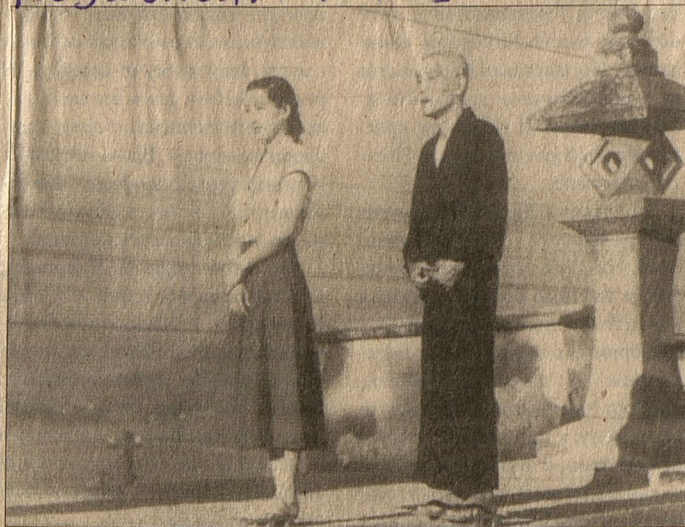
Всю свою жизнь он только снимал кино (сначала комедии, потом семейные драмы), сделал 54 фильма, из которых сохранилось 36 (от немых короткометражек до цветных лент), никуда не выбирался с Японских островов, не попадал в скандальные истории, не имел громких романов, умер в день своего 60-летия. Чтение же аннотаций к его фильмам может навсегда отбить желание их смотреть, особенно у зрителя, не искушенного в японском кинематографе.

"Непримиримость позиции отца, руководителя компании, в отношении замужества дочери" ("Цве-

ток равноденствия"/Хигаи бана, 1958). "Трое закадычных друзей не первой молодости, давно уже влюбленных в миловидную вдову, заняты проблемой ее нового замужества и помолвки ее красавицы-дочери" ("Поздняя осень"/Акибиэри, 1960). "Престарелые супруги навещают в Токио старших сына и дочь, но те равнодушны и слишком заняты, чтобы заниматься стариками. Сердечный прием они встречают у вдовы своего второго сына, погибшего на войне" ("Токийская повесть"/Токио моногатари, 1953).

Описания фильмов Одзу создают впечатление, что в его кинематографе ничего не происходит. Впечатление обманчивое и ложное: мир Одзу может показаться застывшим и лишенным драматизма лишь человеку, воспринимающему драматизм по известному саркастическому высказыванию Ивана Алексеевича Бунина о Достоевском: "— Нет! — воскликнула

Независимая газ. - 2001. - 31 окт. - с. 9.



Любимые актеры Одзу: его alter ego Тисю Рю и японская Грета Гарбо — Сэццу Хара, одно утствие которой на экране — уже магия.

она с мучительной тоской, — Да! — ответил он с последним содроганием". Одзу действительно похож не на Федора Михайловича (на него, скорее, похож Акира Кurosава),

а на Антона Павловича. Это сравнение давно уже превратилось в общее место, все отмечают свойственную им обоим глубину проникновения в суть человеческих взаи-

моотношений, скрывающуюся за внешней бессобытийностью.

Кино Одзу похоже на глубокую полноводную реку: под безмятежной гладью скрыты водовороты и стремительное течение, увлекающее вас в океан. Поэтому рассказывать об Одзу для критика еще и опасно: как можно описать течение? В него нужно попасть, его можно только почувствовать. Приходится прибегать к ничему не значащим штампам типа "самый загадочный" или "самый японский". Одзу — это квинтэссенция кино, которая сопротивляется превращению в слова. Его фильмы настолько совершенны, что их прозрачность можно принять за пустоту. У Одзу нет действия — есть жизнь; нет актеров — есть абсолютно слаженный ансамбль музыкальных инструментов, нет камеры — есть только ему присущий взгляд (знаменитая "низкая точка" съемки) и головокружительное совершенство каж-

дого кадра, где все плоскости и объемы, все цветовые пятна гармонизируют друг с другом. Это свойство Одзу — драматизм при внешней обыденности и бесконфликтности — ценят многие знаменитые режиссеры: Вим Вендерс, Джим Джармуш, Алексей Герман.

Простоту Одзу можно сравнить со вкусом простой пищи (так называется один из его фильмов) — будь то рис с зеленым чаем или картошка с селедкой, — которую вы никогда не спутаете со вкусом фаст-фуда. Суть мира Одзу — жертвенность. Все его герои чем-то жертвуют, причем даже тогда, когда уже вроде бы все устроилось, и это лишает жертву ожидаемого пафоса и кажется сюжетной натяжкой. Но жертва для Одзу — это не отказ от себя и о другом, она приносит не ради того, чтобы что-то изменить, а ради того, чтобы сохранить свое "я" и дать возможность сделать то же самое другому.